

УДК 801.56

М. Ф. Шацкая,

доктор филологических наук,

профессор кафедры русского языка и методики его преподавания

Волгоградского государственного социально-педагогического

университета,

пр. Ленина, 27, г. Волгоград, 400066, Россия,

тел.: 8442302825,

marina.schatzckaya@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАТЕЗЫ В ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ

В статье рассматривается специфика формирования пассивных диатез в условиях языковой игры. В феномене языковой игры рождаются различные трансформации в семантике языковых единиц, происходят преобразования в комических контекстах, содержащих лексический и / или грамматический пассив.

Отмечаются причины, по которым происходят аномальные трансформации в семантико-синтаксической структуре предложения: влияние скрытых категорий, игра на многозначности, вариативности деривационной структуры слов, партитивный сдвиг, нарушение законов синтагматики.

Ключевые слова: диатеза, пассив, семантика, синтаксис, языковая игра.

Комизм в художественном тексте отражается, как известно, с помощью языковых и внеязыковых средств. В ходе создания иронии акцент иногда делается на пассивности, „бессилии”, фатализме, которые презентует определенная пропозиция. Об этой черте русского менталитета писала А. Вежицкая [1], акцентируя внимание на том, что это непременно находит свое отражение в языке: „агентивность” связана обычно с номинативными и номинативноподобными конструкциями, а пациентивность – с дативными и дативоподобными, которые типичны для русского языка. Проанализируем, как это

проявляется в феномене языковой игры, понимая под данным термином „творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой / речевой, в том числе – стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и / или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера” [22, с. 86].

Указанный лингвокреативный феномен – один из возможных дискурсов, в среде которого рождаются различные трансформации семантики языковых единиц. Мы коснемся описания преобразований, происходящих в комических контекстах, содержащих лексический и/или грамматический пассив. Вначале определимся с терминологическим аппаратом исследования.

Актив и пассив – эти понятия соотносятся с такой морфологической категорией, как залог. Однако она рассматривается в рамках формального подхода к грамматике. В нашем случае мы будем иметь дело с семантикой синтаксических единиц. Таким образом, мы обратимся к понятию диатезы. Это „синтаксическая категория (синтаксический признак или набор признаков) предикатной словоформы, отражающая определенное соответствие между участниками обозначаемой предикатом ситуации („семантическими актантами”, выполняющими те или иные семантические роли разной степени обобщенности) и именными членами предложения, заполняющими валентности данной предикатной словоформы („синтаксическими актантами”, синтаксические роли которых выражены теми или иными морфологическими и синтаксическими средствами)” [12, с. 259]. Приведем еще одно определение диатезы, уточняющее некоторые моменты первого: *диатеза* – „соответствия партиципантов лексемы членам предложения, которыми они выражаются. Залогом называется диатеза, грамматически выраженная в глаголе” [25, с. 411].

Оправдывает необходимость обращения к термину *диатеза* и следующее. С изменением диатетической конструкции происходит и мена залога. Таким образом, „В самом общем виде мы можем определить залог как такую глагольную категорию, грамматики которой указывают на определенное изменение коммуникативного

ранга участников ситуации <...> В русском языке <...> наивысший коммуникативный ранг приписывается подлежащему предложения <...> именная группа может изменить свой коммуникативный статус, но все же остаться подлежащим; однако если существительное теряет статус подлежащего, оно заведомо теряет и статус участника с наиболее высоким рангом” [17, с. 195] (Формирование определенных диатез связано с понятием коммуникативного ранга, то есть места участника в иерархии степеней тематичности. „...ранг – это прагматическая характеристика: она определяет участника через его отношение к фокусу внимания говорящего. Субъект и объект – это участники, входящие в центр зоны внимания; остальные участники относятся к периферии этой зоны; кроме того, участник ситуации может быть синтаксически невыразим при данном глаголе, т. е. находиться, так сказать, за пределами периферии – за кадром” [15, с. 58–59]).

Как отмечает Е. В. Падучева, „диатеза глагола определенным образом ранжирует участников, иногда „вопреки” их роли” [15, с. 59]. В языковой игре это свойство диатезы получает уже нарочитый характер. Кроме того, „диатеза может выражаться не только залогом (в морфологической структуре предикатной словоформы), но и глагольным управлением” [12, с. 265], что в определенном плане свойственно и для формирования комического контекста. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что диатезы учитывают не только грамматическую (точнее, морфологическую, формальную) характеристику предиката, но и его лексическую семантику. Именно эти черты помогут нам наиболее полно представить все смысловые нюансы контекстов, построенных на языковой игре, поскольку содержательная функция, выражаемая диатезой, может быть определена как „ориентация процесса” (В. Г. Гак), „перспектива” (Ч. Филлмор), „коммуникативный режим” (З. М. Шаляпина), „фокусирование” (Б. М. Лейкина), „модуляция” (Ю. С. Мартемьянов), „иерархия коммуникативных рангов” (Е. В. Падучева) [12, с. 260].

Из всех диатез предикатной лексемы выбирается одна – исходная, соответствующая активному залогу, признаками которой являются

следующие: „1) с помощью актантов выражаются все партиципаныты, входящие в толкование ситуации, обозначаемой глаголом-вершиной; 2) каждый партиципант соответствует отдельному референту; 3) иерархия семантических ролей (агенс → пациенс → бенефактив (или адресат) → прочие) соответствует иерархии синтаксических единиц – членов предложения (подлежащее → прямое дополнение → косвенное дополнение → прочие)” [25, с. 411].

Выделяют также пассивные, маргинальные, косвенные и диатезы с Наблюдателем. „Диатеза, в которой партиципант, выраженный подлежащим в исходной диатезе, не выражен подлежащим, называется пассивной диатезой и соответствующий залог – пассивом” [25, с. 411]. К маргинальным диатезам относятся „такие диатезы, которые не вовлекают (или не обязательно вовлекают) подлежащее <...> Производная диатеза, в которой партиципант, выраженный прямым дополнением, называется антипассивной диатезой и соответствующий залог – антипассивным залогом” [25, с. 424]. В косвенных, или параметрических, диатезах „задан лишь параметр, а его значение, т. е. сам результат выбора назначающего лица, не указан или вообще остается нефиксированным (*назначить директора*)” [15, с. 490]. Еще один вид диатез назван Е. В. Падучевой – диатеза с Наблюдателем. Она формируется тогда, когда „в результате декаузативации участник Перцепт перемещается в позицию субъекта, а Экспериент покидает субъектную позицию <...> и уходит за кадр, становясь наблюдателем” [15, с. 67]: *На опушке обнаружили следы медведя*. Иногда в диатезе происходит мена только рангов участников, „а роли и другие аспекты значения слова остаются неизменными” [15, с. 62]. Это явление получило название *диатетический сдвиг*.

В ходе формирования языковой игры пассив может быть представлен не только формально маркированной (постфиксом *-ся*) граммемой, но и заключаться в лексической семантике предикатного слова. В качестве одного из возможных процессов, происходящих в диатезе с семантическим пассивом, можно отметить аномальную мену и коммуникативного ранга, и ролевой отнесенности. Такое наблюдается в контексте: *Произнеся первую фразу, он почувствовал облегчение. По-*

степенно он овладел текстом, и текст овладевал им [5, с. 124], где Агенс становится Пациенсом, в то же время меняя коммуникативный ранг.

Как отмечает Е. В. Падучева, продвижение периферийного участника в ранг субъекта – продуктивный процесс [15, с. 63]. Это явление присутствует и в языковой игре, где Инструмент ненормированно выступает в квазироли Агенса: *Я належал килограммов двадцать. Зеркало пугнуло распушим бомжем* [2, с. 34]. Семантический пассив может маркировать аномальную мену коммуникативных ролей внутри одной из парных разновидностей Субъекта – Коагенсы становятся Контрагенсами, а роль собственно Агенса берет на себя участник Информатив: *Никогда не разговаривайте с женщиной всерьез. И, главное, никогда не говорите ей до конца так называемую „правду”, ибо эта „правда” всегда свидетельствует против вас* [20, с. 274]. Изменяется и коммуникативный ранг одного из коррелятов в паре Контрагенсов: вначале он находится За кадром, далее получает квалификацию второго актанта и становится Объектом. Похожий процесс наблюдается в диктее *И повлекла Веру комнатами* [24, с. 156], где один из Коагенсов начинает выполнять роль Пациенса.

В семантическом пассиве отмечена нами и рокировка коммуникативных рангов участников Место и Агенс: *Эрмитаж Ваську разочаровал, по крайней мере – снаружи. Ему казалось, что дворец непременно должен быть сложен из цельных мраморных глыб, увенчан золоченым куполом и шпилем, а этот, в принципе, не отличался от любого дома на Невском, разве что был вдвое шире и стоял на виду* [7, с. 155]. По мнению Я. Г. Тестельца, для пассива возможно „неупоминание референта агенса в той ситуации речи, когда его упоминание по той или иной причине нежелательно или просто связано с сокращением „кадра” (агенс выпадает из сферы внимания говорящего)” [25, с. 419]. Е. В. Падучева [16] и Е. Л. Григорьян [6] утверждают, что это характерно для любой диатезы, в которой Агенс не выражен. Подобное построение диатезы нарочито используется в языковой игре с целью создания иронии или сарказма. Так, замена на словообразовательный дериват (ср.: *определить* → *определиться*) [26, т.

1, с. 699]) глагола *определить* ('поместить, устроить на какую-либо службу, должность и т.п.' [23, т. 2, с. 630] → *определился* ('поступить, устроиться куда-либо, кем-либо' [23, т. 2, с. 630]) приводит к возникновению ложного Агенса (Веня). При этом глагол *определить* может рассматриваться как контекстуально синонимичный глаголам *класть, положить* в связи с наличием синтагмем 'поместить, устроить': *В это же время (параллель) **Веня** расстался с женой и **определился** в психиатрическую лечебницу, где он и поныне* [13, с. 91].

Еще один случай формирования диатезы „без истинного Агенса“: *И тогда поэты стали разводить курей, инженеры пошли в челноки, учительницы освоили профессии уборщиц и бандерши, старушки-пенсионерки вовсе **научились лететь** с балконов своих квартир, проданных бандитам, а доктора наук приноровились строчить трусики из тюлевых занавесок* [3, с. 19–20]. Аномально употребленный пассив формирует диатезу, в которой появляется ложный Агенс, истинный (те, кто сбрасывает с балконов, чтоб завладеть имуществом) остается За кадром. Отражение описанного выше смысла можно наблюдать и в семантическом пассиве совместно с нарушением норм синтаксической синтагматики: *Северьян чуть было не стал космонавтом, но на последнем этапе у него что-то не заладилось со здоровьем, и его „ушили“ в науку* [19, с. 141]. В пассивной диатезе происходит рокировка Агенса и Пациенса, в результате чего меняется и коммуникативный ранг этих участников. Такое аномальное распределение рангов свойственно в ситуации, когда второй участник (жена) занимает коммуникативно значимую позицию: *Как только бригада уехала, директор **был** немедленно **уведен** женой в семейный застенок до выяснения* [18, с. 312]. В диктеме *Откупившись мелочью от сомнений, не испытав ни благости, ни облегчения, Вера **отдалась** переулкам* [24, с. 170] роль первого актанта берет на себя участник Локус, при этом Агенс становится Пациентом. Безвольность личности, признаваемая ею самой, становится поводом создания языковой игры при подмене Агенса (я → Гуревич): *Наступила пауза. Затем спокойный женский голос произнес: – Меня забыл Гуревич <...>* [7, т. 2, с. 424].

При употреблении пассива (как семантического, так и грамматического) обращает на себя внимание влияние скрытых грамматических категорий на процесс создания языковой игры. Особое место занимают предикатные криптотипы *контролируемость / неконтролируемость* и *наличие / отсутствие волевого начала*. И. Б. Шатуновский называет контролируемыми предикатами (Р) такие, „которые зависят от воли, от выбора ума субъекта (С). От воли С, от выбора ума зависит в этом случае, быть Р или не быть (Р или не Р). Такое Р имеет место, если и только если С выбирает его (= в тех и только тех „возможных мирах”, в которых С выбирает Р), и не имеет места, если С не выбирает его” [27, с. 191]. Анна А. Зализняк приводит типологию *неконтролируемых ситуаций*: 1) Х вообще не является участником Р; 2) Х является участником Р, но не контролирует Р, так как ситуация в принципе неконтролируемая; или ситуация, в которой объект намерения не совпадает с результатом; или результат намеренного действия Х-а не рассматривается как однозначно определяемый этим намеренным действием [9, с. 520]. Как видим, в указанный перечень нормативно неконтролируемых ситуаций проанализированные нами контексты не входят.

Воля – „это способность выбора, способность выбирать, поскольку выбор предполагает наличие альтернатив (и, далее, альтернативы только потому являются альтернативами, что их несколько, как минимум, две). С волей неразрывно связана *свобода* – возможность выбора из нескольких альтернатив” [27, с. 285]. Альтернативы, которые предполагает воля, – это контролируемые предикаты. Неконтролируемость, произвольность характеризует сферу желательности чего-либо. Как отмечает И. Б. Шатуновский, область потенциальных объектов желания / нежелания шире, чем область потенциальных объектов воли. Это проявляется в следующем: желание „оценивает не только контролируемые, но и неконтролируемые и даже невозможные положения вещей” [27, с. 298]; существенной особенностью желания является „неконтролируемость, произвольность возникновения и „имения” в уме желаемого Р (в отличие от Р, которое С воображает, представляет), равно как и его чувственной оценки. Не

в воле человека желать или не желать что-то, желаемое Р вместе с его ощущением-оценкой „представляются” уму С независимо от его воли или даже против его воли” [27, с. 295]; желание способствует такому проявлению воли, при котором неконтролируемое становится контролируемым, а невозможное – возможным, и сама возможность начинает быть контролируемой (ср.: *Я хочу выиграть в лотерею, но это мной не контролируется. Однако я могу сделать это возможным, купив лотерейный билет*)” [27, с. 298].

А. А. Зализняк отмечает, что „в русском языке имеются средства, позволяющие <...> возложить на субъекта ответственность за неконтролируемую им ситуацию: это глаголы *умудриться* и *ухитриться* в их ироническом употреблении (*В такую жару умудрился простудиться*), а также (*меня угораздило*)” [9, с. 209]. Эту же мысль находим и у О. П. Ермаковой [8, с. 65–66], которая при этом отмечает влияние иронии на употребление подобных глаголов с модальными компонентами, что послужило развитию в них энантиосемии. Нами отмечен еще один возможный путь формирования комизма – аномальное снятие с Субъекта ответственности в контролируемой им ситуации, поскольку она для него или нежелательна, или он не хочет что-либо в ней менять. Таким образом, в языковой игре скрытые категории и „Граммемы залога маркируют переключение внимания говорящего, тот „кадр”, в фокус которого поочередно попадают разные участники ситуации” [17, с. 195].

Игра на корреляции „целое и часть” (партиитивность), связывающая имя некоторого объекта с именами его составных частей, также наблюдается при формировании пассива в языковой игре. Среди частных случаев данной корреляции выделяют отношение между словом, обозначающим некоторую единую, хотя и сложную по своему составу сущность, и словом, обозначающим квант, элемент или член этой сущности; отношение между именем некоторого иерархически организованного множества, воспринимаемого как целое (собирательная множественность), и именем главного элемента этого множества [10; 14; 11]. Н. С. Рыжук, проанализировав синтаксическую сочетаемость слов, находящихся в отношениях партиитивности и формирующих эн-

доцентрические ряды, вслед за В. П. Абрамовым установила, „что при сопоставлении синтагматики гиперонима и гипонима синтаксическая сочетаемость должна быть одинаковой <...>, а лексические позиции гипонимов по сравнению с гиперонимом будут ограничиваться, так как содержание значения у гиперонима богаче, чем у гипонима” [21, с. 15]. Подтверждение данного тезиса возможно при актуализации прямого значения партитивов и холонимов, однако нарушение принципа семантической конгруэнтности в аномальных словосочетаниях ведет к формированию разных видов переносных значений, а также к возникновению разных видов синтагматических нарушений и аномальному построению диатезы в языковой игре, что ведет к появлению *партитивного сдвига* – трансформации, основанной на нарушении отношений „целое и часть”. Так, Партитив (как известно, психологическая характеристика – моральные качества – это часть личности) получает квалификацию Агенса в пассиве: *Есть в моих добродетелях интересное свойство. Они расцветают и становятся заметными лишь на фоне какого-нибудь безобразия. Вот меня и любят покинутые дамы* [7, с. 429].

Партитив может выполнять квазироль Агенса, перемещая истинного Субъекта в ситуацию За кадром: *Голова ее мотнулась бровью о кирпич* [24, с. 80]. Для создания сарказма Эмотив (эмоции как психическая составляющая человека) тоже получает наивысший коммуникативный ранг, „устраняя” Субъекта на второй план: *Лица менялись в приближении, словно таяли маски. Обращенные глаза всех цветов и разрезов кружились в калейдоскопе, и на дне каждого залегло и виляло хвостом робкое собачье выражение* [4, с. 83].

Как показало проведенное исследование, формирование пассива (и семантического, и грамматического) в языковой игре имеет следующую специфику: – для достижения комического эффекта используется аномальная рокировка не только коммуникативными рангами (диатетический сдвиг), но и семантическими ролями, при этом внимание начинает акцентироваться на участнике, ранг которого был понижен; – продвижение периферийного участника в ранг Субъекта происходит под влиянием скрытых грамматических категорий (в

частности предикатных криптотипов *контролируемость / неконтролируемость* и *наличие / отсутствие волевого начала*): „обезволивание” Агенса наблюдается в связи с его намеренным отказом иметь контроль над ситуацией; – имена семантических ролей и коммуникативных рангов может быть в результате партитивного сдвига (нарушения отношений в корреляции „целое / часть”). Кроме того, трансформации происходят в связи с игрой на многозначности лексических единиц, нарушении законов синтагматики и варьировании деривационной структуры слов.

Список использованных источников и литературы

1. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание / отв. ред. М. А. Кронгауз / А. Вежбицка. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
2. Веллер М. Долина идолов / М. Веллер. – М. : Изд-во АСТ, 2006. – 544 с.
3. Веллер М. Легенды Арбата / М. Веллер. – М. : Изд-во АСТ, 2009. – 318 с.
4. Веллер М. Разбиватель сердец / М. Веллер. – М. : Изд-во АСТ, 2006. – 384 с.
5. Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. Книга I. Лицо неприкосновенное. Книга II. Претендент на престол / В. Войнович. – М. : Эксмо, 2008. – 608 с.
6. Григорьян Е. Л. Семантические и прагматические аспекты диатезы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Л. Григорьян. – М., 1985. – 18 с.
7. Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. / С. Довлатов. – СПб. : Азбука-классика, 2005.
8. Ермакова О. П. Активные процессы в лексике и семантике. Семантические процессы // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков / О. П. Ермакова. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 33–99.
9. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
10. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебник / И. М. Кобозева. – М. : КомКнига, 2007. – 352 с.

11. Кронгауз М. А. Семантика: учебник / М. А. Кронгауз. – М. : Издат. центр „Академия”, 2005. – 352 с.
12. Крылов С. А. Диатеза и смежные понятия: некоторые соображения об их соотношении // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского / Отв. ред. А. П. Володин / С.А. Крылов. – М. : Знак, 2004. – С. 259–267.
13. Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени / В. Маканин. – М. : Изд-во „ВАГРИУС”, 2003. – 450 с.
14. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: учебник / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 168 с.
15. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
16. Падучева Е. В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика / Е. В. Падучева. – М. : Русские словари, 1998. – Вып. 36. – С. 82–107.
17. Плуноян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плуноян. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
18. Поляков Ю. Гипсовый трубоч: дубль два / Ю. Поляков. – М.: Астрель : АСТ, 2010. – 488 с.
19. Поляков Ю. Козленок в молоке / Ю. Поляков. – М.: Астрель : АСТ, 2008. – 444 с.
20. Попов Е. Подлинная история „Зеленых музыкантов” / Е. Попов. – М. : Вагриус, 2001. – 336 с.
21. Рыжук Н. С. Коррелятивные отношения части и целого: семантический и лингвокультурологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. С. Рыжук. – Ставрополь, 2008. – 22 с.
22. Сковородников А. П. О понятии и термине „языковая игра” / А. П. Сковородников // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 79–87.
23. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984.
24. Снегирев А. Вера / А. Снегирев. – Москва : Издательство „Э”, 2016. – 288 с.
25. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 800 с.
26. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Ок. 145 000 слов. – М. : Рус. яз., 1985.
27. Шатуновский И. Б. Семантика предложений и нерферентные слова / И. Б. Шатуновский. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 400 с.

References

1. Vezhbitska A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie / otv. red. M. A. Krongauz / A. Vezhbitska. – M. : Russkie slovari, 1996. – 416 p.
2. Veller M. Dolina idolov / M. Veller. – M. : Izd-vo AST, 2006. – 544 p.
3. Veller M. Legendy Arbata / M. Veller. – M. : Izd-vo AST, 2009. – 318 p.
4. Veller M. Razbivatel' serdets / M. Veller. – M. : Izd-vo AST, 2006. – 384 p.
5. Voynovich V. Zhizn' i neobychnyye priklucheniya soldata Ivana Chonkina. Kniga I. Litso neprikosновенnoe. Kniga II. Pretendent na prestol / V. Voynovich. – M. : Eksmo, 2008. – 608 p.
6. Grigor'yan E. L. Semanticheskie i pragmaticheskie aspekty diatezy: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04 / E. L. Grigor'yan. – M., 1985. – 18 p.
7. Dovlatov S. Sobranie sochineniy: v 4 t. / S. Dovlatov. – SPb. : Azbuka-klassika, 2005.
8. Ermakova O. P. Aktivnyye protsessy v leksike i semantike. Semanticheskie protsessy // Sovremennyy russkiy yazyk: Aktivnyye protsessy na rubezhe XX – XXI vekov / O. P. Ermakova. – M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. – P. 33–99.
9. Zaliznyak Anna A. Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya / A. A. Zaliznyak. – M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. – 672 p.
10. Kobozeva I. M. Lingvisticheskaya semantika: uchebnik / I. M. Kobozeva. – M. : KomKniga, 2007. – 352 p.
11. Krongauz M. A. Semantika: uchebnik / M. A. Krongauz. – M. : Izdat. tsentr „Akademiya”, 2005. – 352 p.
12. Krylov S. A. Diateza i smezhnyye ponyatiya: nekotorye soobrazheniya ob ikh sootnoshenii // Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike: K 70-letiyu prof. V. S. Khrakovskogo / Otv. red. A. P. Volodin / S. A. Krylov. – M. : Znak, 2004. – P. 259–267.
13. Makanin V. Andegraund, ili Geroy nashego vremeni / V. Makanin. – M. : Izd-vo „VAGRIUS”, 2003. – 450 p.
14. Nikitin M. V. Osnovy lingvisticheskoy teorii znacheniya: uchebnik / M. V. Nikitin. – M. : Vyssh. shk., 1988. – 168 p.
15. Paducheva E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki / E. V. Paducheva. – M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. – 608 p.
16. Paducheva E. V. Kommunikativnoe vydelenie na urovne sintaksisa i semantiki // Semiotika i informatika / E. V. Paducheva. – M. : Russkie slovari, 1998. – Vyp. 36. – P. 82–107.

17. Plungyan V. A. Obschchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku / V. A. Plungyan. – M.: Editorial URSS, 2000. – 352 p.
18. Polyakov Yu. Gipsovyi trubach: dubl' dva / Yu. Polyakov. – M.: Astrel' : AST, 2010. – 488 p.
19. Polyakov Yu. Kozlenok v moloke / Yu. Polyakov. – M.: Astrel' : AST, 2008. – 444 p.
20. Popov E. Podlinnaya istoriya „Zelenykh muzykantov” / E. Popov. – M. : Vagrius, 2001. – 336 p.
21. Ryzhuk N. S. Korrelyativnye otnosheniya chasti i tselogo: semanticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19 / N. S. Ryzhuk. – Stavropol', 2008. – 22 p.
22. Skovorodnikov A. P. O ponyatii i termine „yazykovaya igra” / A. P. Skovorodnikov // Filologicheskie nauki. – 2004. – № 2. – P. 79–87.
23. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoy. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Rus. yaz., 1981–1984.
24. Snegirev A. Vera / A. Snegirev. – Moskva : Izdatel'stvo „E”, 2016. – 288 p.
25. Testelets Ya. G. Vvedenie v obshchiiy sintaksis / Ya. G. Testelets. – M. : Rossiysk. gos. gumanit. un-t, 2001. – 800 p.
26. Tikhonov A. N. Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: v 2 t. Ok. 145 000 slov. – M. : Rus. yaz., 1985.
27. Shatunovskiy I. B. Semantika predlozheniy i nereferentnye slova / I. B. Shatunovskiy. – M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1996. – 400 p.

М. Ф. Шацька

ПРО ДЕЯКІ ОСОБЛИВОСТІ ДІАТЕЗИ У МОВНІЙ ГРІ

У статті розглянуто специфіку формування пасивних діатез в ситуаціях мовної гри. У феномені мовної гри народжуються різні трансформації в семантиці мовних одиниць, при цьому відбуваються перетворення в комічних контекстах, що містять лексичний і / або граматичний пасив. Зазначено причини, внаслідок яких здійснюються аномальні трансформації в семантико-синтаксичній структурі речення: вплив прихованих категорій, обігрування багатозначності, варіативності дериваційної структури слів, партитивний зсув, порушення законів синтагматики.

Ключові слова: діатеза, пасив, семантика, синтаксис, мовна гра.

M. F. Shatskaya,

Doctor of Philology,

Professor at the Department of the Russian Language and
Methods of its Teaching

Volgograd State Pedagogical University,

27, Lenin avenue, Volgograd, 400066, Russia,

tel.: 8442302825,

marina.schatzckaya@yandex.ru

ABOUT SOME FEATURES OF FORMING DIATHESIS IN LANGUAGE GAME

Summary

The subject of the present study was is the contexts containing the phenomenon of language game. The purpose of the article was is to reveal the specifics of the formation of diathesis in anomalous contextual conditions and to determine the causes that raise the transformation of the deep structure of the sentence. The following research methods in the work are used: descriptive method, method of component analysis, method of contextual analysis and modeling method. Based on the study we can name the following features of the formation of the passive voice in a language game:

- to achieve the comic effect, anomalous casting is used not only by communicative ranks (diathetic shift), but also by semantic roles, with attention being paid to a participant whose rank has been lowered;

- the progress of the peripheral participant to the rank of the subject is influenced by hidden grammatical categories (in particular predicate cryptotypes controllability / uncontrollability and the presence / absence of strong will): "loss of will" of the Agent is observed in connection with his or her intentional refusal to have control over the situation;

- the change of semantic roles and communicative ranks can be the result of partitive shift (violation of relations in the "whole / part" correlation). In addition, transformations occur in connection with playing on the polysemy of lexical units, breaking the laws of syntagmatics and varying the derivational structure of words. The presented materials can be used in reading university courses and creating textbooks on modern Russian language (sections "Lexicology", "Semantics", "Syntax"), rhetoric, stylistics, speech culture and theory of linguistics for bachelors, masters, post-graduate students and philologists.

Key words: diathesis, language game, passive voice, semantics, syntax.

Надійшла до редакції 1.09.2017 р.